

КОРОЛЕВА МЕНЯЕТ ЦВЕТ

Татьяна
Миненкова

Иногда
нужно проиграть,
чтобы выиграть

LIKE
BOOK

Young Adult. Инстахит. Романтика

Татьяна Миненкова

Королева меняет цвет

«ЭКСМО»

2026

Миненкова Т. П.

Королева меняет цвет / Т. П. Миненкова — «Эксмо»,
2026 — (Young Adult. Инстахит. Романтика)

ISBN 978-5-04-250103-6

Между «ашками» и «вэшками» с начальной школы тлеет война – беспощадная и бесконечная, как шахматная партия, где каждый ход может стать роковым. Бойкая хулиганка Аниса – королева «вэшек». Она привыкла с гордостью носить свой титул. Ее слово – закон для пешек, а противники дрожат от одного ее взгляда. Но все меняется, когда ее неожиданно переводят в «А» класс – прямо в тыл врага. Теперь Анисе предстоит вести игру на чужом поле, где она не королева, и даже не пешка. Среди ботаников она – изгой. Они еще не знают, на что способна Черная королева. Она даст бой, но и сама не поймет: на поле этой битвы ее встретит нечто куда более опасное, чем интриги и стычки. Любовь.

ISBN 978-5-04-250103-6

© Миненкова Т. П., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

1. Наказание	6
2. Проблема	11
3. Кошмар	16
4. Норм	22
5. Война	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

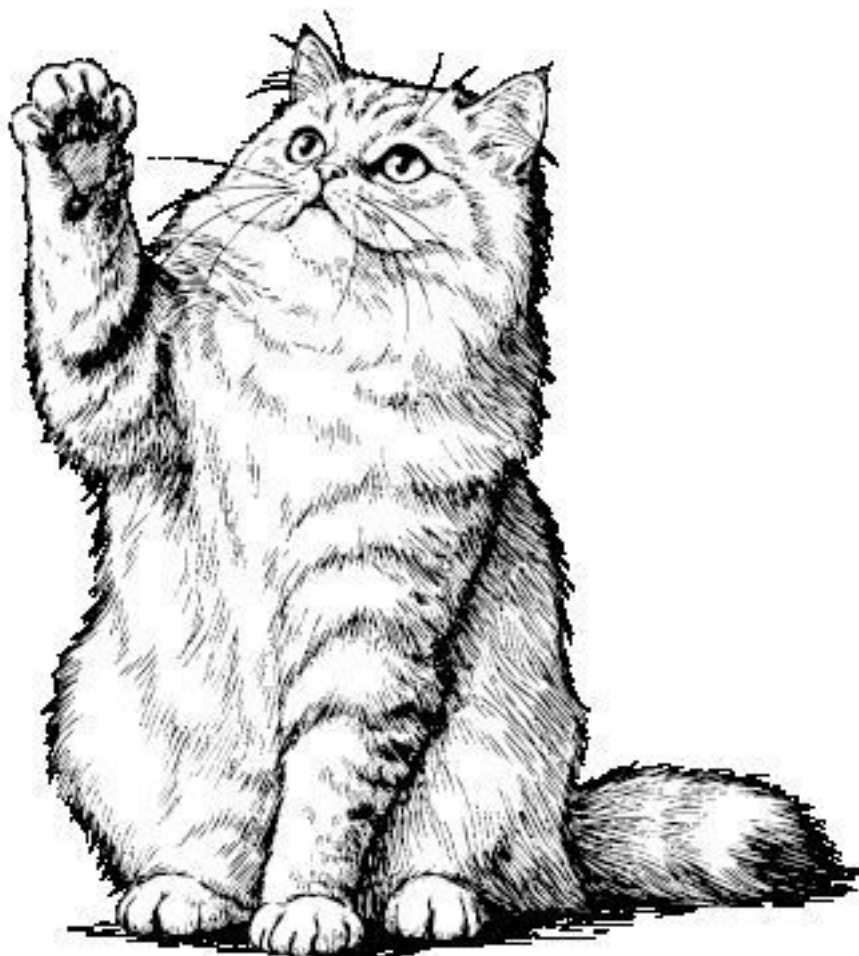
Татьяна Павловна Миненкова

Королева меняет цвет

© Миненкова Т., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается Марсику
(простите, Ваше Величество) —
Максимуму Аристократу, коту-который-выжил. Без него не
было бы ни одной из моих историй.*

1. Наказание

25 сентября, среда

Pyromania – Tommee Profitt, Royal & the Serpent

«Защищать голову!» – мысленно повторяю я один из главных принципов карате и торопливо принимаю правильную стойку.

На мне почти нет защитной экипировки, на Тиме, стоящем напротив, только доги¹ и перчатки. Шестаков улыбается, в его взгляде сверкают искорки авантюризма. Он вряд ли станет биться в полную силу – поддастся, как обычно. И все же противник у меня серьезный. Делаю глубокий вдох, настраиваясь на бой. Выбрасываю лишние мысли из головы. Концентрируюсь.

– Хаджиме! – кричит тренер, это сигнал начать спарринг.

Первый тычок прилетает от Тимура – прямой и тяжелый. Едва успеваю увернуться и ответить ударом ногой. Он проходит мимо головы соперника, но я ощущаю прилив уверенности. Так всегда бывает: главное – начать, а дальше действовать по наитию.

Мы с Шестаковым не первый год знаем друг друга. Тиму известны мои слабости, и он умеет использовать их в своих интересах: давит весом, теснит ударами к краю татами, сделав резкий шаг вперед, пытается провести захват. Я отскакиваю назад и контратакую с разворота.

Тренер внимательно наблюдает за нами. А когда я, извернувшись, все же попадаю ногой в голову соперника, комментирует:

– Молодец, Романова!

Обрадовавшись, тут же получаю тычок в живот, потом в грудь. Не больно, скорее неожиданно. Отскакиваю и хмурюсь.

– Внимательнее, Ниса, – усмехается Тим, но я стираю его усмешку серией четких и уверенных ударов.

У нас разные категории, но тренер разрешает нам биться в паре. Силу Тима я легко компенсирую скоростью, гибкостью и умением уворачиваться. Карате – это ведь не только бои. Это еще духовная дисциплина, настойчивость, упорство и умение побороть собственные сомнения и слабости. И у нас с Тимом не совсем борьба – это взаимодействие, где каждый стремится стать лучше, сильнее, выносливее.

Вот и в этот раз победителя нет. После команды остановиться мы с Шестаковым коротко кланяемся друг другу. Восстанавливаем дыхание.

– Аниса, контролируй дистанцию, – выговаривает Андрей Владимирович, когда ученики выстраиваются на татами. – А ты, Тимур, ногами больше работай. Ленишься, поддаешься. В следующий спарринг встанешь с Киреевым, он тебя живо уделает.

¹ Доги – это традиционная форма одежды, используемая в различных боевых искусствах, включая карате. Слово «доги» состоит из двух иероглифов: «до», что означает «путь», и «ги», что переводится как «одежда». Получается что-то вроде «одежды для пути».

– А поставьте, – широко улыбается Тим, – посмотрим еще, кто кого уделает, сэмпай...²

Девочек отпускают переодеваться первыми. И пока Шестаков препирается с тренером, я успеваю стянуть штаны и куртку. Душ в школьном спортзале не предусмотрен, поэтому футболку и джинсы приходится надевать на влажную от испарины кожу.

С удовольствием расплетаю тугой пучок на голове, позволив иссиня-черным волосам упасть на плечи тяжелой волной. Умываю лицо в раковине и смотрюсь в зеркало напоследок: на бледных щеках румянец, синие глаза горят азартом недавнего боя, на скуле едва заметная ссадина – след пропущенного удара. Ерунда, завтра будет почти незаметно.

– Пойдем провожу! – Тим уже дожидается меня, подпирая стену у входа в школу.

Пожимаю плечами:

– Зачем? Не темно ведь.

Еще даже сумерки не опустились. В сентябре день еще длинный, почти как летом. Но солнце уже зависло на горизонте, залив улицу красно-золотыми лучами. Легкий ветер принес первую прохладу, и я торопливо натягиваю черную косуху на тонкий свитер.

– Все равно по пути, – с напускным безразличием отзывается Шестаков и, не дожидаясь разрешения, идет со мной.

Вообще-то ему совсем не по пути. Чтобы проводить меня, ему придется сделать крюк через две улицы, но раз хочется – пусть идет. Под ногами шуршат опавшие листья, смешиваясь в пестрое полотно из желтого, зеленого и коричневого. Пахнет сухой землей, осенним ветром и выпечкой из пекарни через дорогу.

Мне не нужна компания. С гораздо большим удовольствием я надела бы наушники и послушала музыку. Разговор с Тимом не клеится. Слова вроде бы складываются в предложения, но каждая тема, едва начавшись, тут же обрывается неловким молчанием.

– Ты на соревнования в ноябре поедешь? – любопытствует Шестаков.

Он ловко пинает обнаруженную среди листвы банку от колы, а я невольно сравниваю свою кроссовку с его: моя проигрывает почти вполтину. Но я и ростом ниже Тима на голову, не меньше. Лениво отрываюсь:

– Не поеду. Андрей Владимирович говорит, лучше дотянуть до февраля, там будут все-российские. На них у него большие планы.

– Это же в Москве, – хмыкает спутник и делает по жестянке новый удар, с грохотом запускающий ее дальше по асфальту. – Но я тоже полечу, наверное, если билеты вывезу.

Киваю вместо ответа. Мы с детства учимся в одном классе, много лет вместе ходим на тренировки и ездим на соревнования. С Тимом хорошо драться и удобно дружить, но говорить не о чем. Но совместное прошлое притягивает нас друг к другу, словно каждое воспоминание сшивает тонкой невидимой леской, поэтому молчание не напрягает. И я просто шагаю рядом, выдувая пузыри из розовой жвачки.

За углом следующего за городским парком дома уже видны окна моей квартиры. На кухне горит свет. Странно. Мама редко приходит так рано. После развода она с головой ушла в работу, пустив воспитание и обучение дочери на самотек. Это дало мне больше свободы, поэтому я не жалею.

– До завтра, – говорю я.

Тим останавливается и поворачивается ко мне, замирая на мгновение. Солнце уже садится, и последние лучи бьют Шестакову прямо в лицо. Красивые у него глаза: не голубые, как у меня, а темно-синие. Столько лет мы видимся каждый день, а я только сейчас это заметила, потому что никогда раньше не видела в этих глазах столько сомнений и несвойственной ему хрупкой неуверенности.

– Ниса, – произносит он, касаясь моего локтя, – мы с тобой...

² Сэмпай – уважительное обращение к тренеру, дословно: «тот, у кого больше опыта».

Блин-малин! Кажется, я понимаю – по взгляду, интонации, жестам – к чему он клонит. Непривычные нотки в голосе Тимура и то, как он наклоняется ко мне, слишком красноречивы. Мой одноклассник, вечный спарринг-партнер, друг и по совместительству главный хулиган школы вот-вот признается в каких-то чувствах, превышающих пределы вышеперечисленного. А я ощущаю лишь смятение и легкую панику.

– Стоп, Тим! – не даю ему произнести то, о чем мы оба будем жалеть. Не хочу ранить или обидеть его. Сама заканчиваю недосказанную фразу: – Мы с тобой друзья, и ничему этого не изменить. Пусть так и останется, ладно?

Шестаков смотрит пронзительно, пытаюсь понять смысл моих слов, а я смело встречаю его взгляд, давая понять, что честна с ним.

– Странная ты, Ниса, – хриловато выдавливают он наконец. Склоняется ниже, и его губы оказываются рядом с моими. – Девчонки ведь только и мечтают о любви и романтике, а ты...

Три четверти моих одноклассниц дорого отдали бы за то, чтобы ощутить пахнущее табаком дыхание Шестакова на своих губах. Я не отодвигаюсь, но упираюсь ладонью ему в грудь, не позволяя приблизиться.

– А я неправильная, ты же знаешь. Давай не будем портить нашу дружбу!

Нет никакой любви. Это маркетинг, выдумка, чтобы книжки писать и фильмы снимать. Чтобы дураки, веря в нее, женились и заводили детей, а потом разводились, разочаровавшись.

Шестаков – ожившая мечта не только половины старшеклассниц нашей школы, но и всех девочек секции карате. Синеглазый блондин-спортсмен с амбициями и обаятельной улыбкой. Если бы любовь существовала, я точно влюбилась бы именно в него. Но я ощущаю лишь привязанность, а еще раздражение, ведь Тим чуть было не ляпнул то, что навсегда перечеркнуло бы нашу дружбу.

– Как скажешь, Романова, – нехотя говорит он наконец и отстраняется. – До завтра.

Тим резко отворачивается и с силой наступает на многострадальную банку. Жестянка с оглушительным треском сжимается и, получив новый удар, улетает так далеко, что я не могу отследить точку ее приземления. Кажется, на уроках физики мы проходили, как можно рассчитать что-то подобное, но я терпеть не могу физику. Да и вообще учиться не люблю.

За грохотом не слышно тяжелого выдоха, и я только теперь осознаю, что все это время почти не дышала. Чего там дыхание – я чуть жвачку свою не проглотила. Глядя на быстро удаляющийся силуэт, размышляю, чего испугалась больше: перспективы потерять друга или неслучившегося поцелуя, который наверняка стал бы точкой невозврата в наших отношениях. Но тихий голосок интуиции подсказывает, что точка невозврата все равно пройдена и так, как прежде, уже не будет.

С этими невеселыми мыслями иду к дому. Доставать наушники нет смысла: зайти в подъезд, подняться на второй этаж, открыть дверь и войти – меньше одной песни. Но отчего-то я плетусь слишком медленно. Словно подсознание предупреждает, что ничего хорошего меня дома не ждет. Предчувствие – моя суперспособность, поэтому я внутренне подбираюсь, готовясь к худшему. И не зря.

– Ничего не хочешь мне рассказать, Аниса Александровна? – интересуется мама таким угрожающим тоном, что сразу становится ясно: что бы я ни рассказала, катастрофы не избежать.

Обращение по имени-отчеству тоже подразумевает назревающий скандал. В последний раз она так называла меня, когда узнала о разбитом футбольным мячом стекле в учительской, в предпоследний – об огромном синяке под глазом у Семина (нечего обзывать меня овцой), в предпредпоследний – о белом уличном коте, которого я тайно притащила домой и отказалась уносить обратно.

Сейчас Арт как раз высовывает любопытный розовый нос, одно ухо и половину длинных белых усов из кухни, но в ссору предпочитает не вмешиваться, оставаясь молчаливым зрителем разворачивающегося в прихожей действия.

– Ты же и так, наверное, знаешь, раз спрашиваешь? – осторожно интересуюсь я, на ходу стаскивая кроссовки.

Стараясь не встречаться с ее разъяренным взглядом, достаю из спортивного рюкзака пустую бутылку для воды и смятую форму. Рассчитываю скрыться в ванной под предлогом бросить вещи в стирку и принять душ, но родительница воинственно скрещивает на груди руки и загораживает проход.

– Почему именно она? – с шипением отвечает мама вопросом на вопрос, и мои надежды на то, что ее злость вызвана не сегодняшним происшествием в школе, а чем-нибудь другим, рассыпаются в прах. – Почему ты, Ниса, не могла выбрать кого-нибудь другого для своих нападок?

Вскидываюсь и отвечаю почти так же жаростно:

– Другого? Ты говоришь так, как будто я имела возможность выбирать. Как будто то, что произошло сегодня, – моя прихоть. Да Полуянова умышленно меня провоцирует, мам!

– Что ты говоришь! А ты совершенно не умеешь себя контролировать, и никакие тренировки тебе не помогают! Ты вообще понимаешь, что значит для меня разговаривать с ее матерью?

Я виновато опускаю голову. Стоит, пожалуй, объяснить, о чем речь. Три года назад мой отец не просто ушел из семьи – он ушел к матери Ксеньки Полуяновой из «А» класса.

Нельзя сказать, что мы с ней до этого слишком ладили, – ашки и вэшки всегда вели холодную войну. Но теперь Полуянова не упускает возможности меня поддеть, а я терпеть не могу оставлять выпады в свой адрес безнаказанными.

– Представь себе, Ниса, – продолжает мама тихо и грозно, – чего мне стоило извиниться перед ней за то, что моя дочь влепила в волосы ее дочери огромную розовую жвачку!

Хочется сквозь землю провалиться. Ну не думала я о маме, совершенно не думала. Когда Ксенька на всю столовую хвасталась, что дядя Саша пообещал ей новый айфон за отлично оконченную четверть, мое сознание сузилось до нас двоих: меня и Полуяновой. Я даже не сразу поняла, от чего меня больше коробит – от айфона или от фамильярности в отношении того, кого даже мне иногда хочется назвать по имени-отчеству. У меня было лишь одно желание – заткнуть Ксеньке рот. И я заткнула. А теперь, осознавая собственную ошибку, бормочу виновато:

– Извини, мам! Больше не повторится.

Мама сощуривает глаза и кивает:

– Не повторится.

Это звучит так уверенно и зловеще, что я невольно ежусь. Лучше бы она повысила голос, честное слово. Ни разу до этого она так не говорила, хотя я влипаю в неприятности с завидным постоянством. А на мой вопросительный взгляд мама отвечает:

– То, что ты почти три года была предоставлена самой себе, Ниса, моя ошибка. Я погрузилась в собственные проблемы и упустила твое воспитание. Казалось, что моя дочь достаточно взрослая, но ты раз за разом убеждаешь меня в обратном.

Это звучит как прелюдия к чему-то по-настоящему ужасному. Вдоль позвоночника пробегают ледяные мурашки. Но я уверена: что бы мама ни придумала, переживу, подстроюсь, и все будет как прежде.

– Просто кому-то требуется более жесткое воспитание, и ты, видимо, из таких, – продолжает мама. – Твоя классная сказала, что ты совсем отбилась от рук и она перестала с тобой справляться. Пока с нами был отец, ты держалась, а сейчас не только скатилась в учебе, но и ведешь себя так, что тебя со дня на день поставят на учет в полиции.

Обещаю, сама не уверенная в собственных словах:

– Я исправлюсь.

Но мама уже успела что-то решить, пока я была на тренировке. Представления не имею, на какие жуткие мысли ее навел разговор с нашей классной и матерью Полуяновой. Она уверенно кивает:

– Исправишься, Ниса. Теперь справишься. Потому что с завтрашнего дня будешь учиться в одиннадцатом «А».

2. Проблема

26 сентября, четверг

READY FOR WAR – Neoni, UNSECRET

Решительностью я пошла в маму. Иначе как объяснить, что ни обещаниями, ни заверениями, ни даже слезливыми уговорами переубедить ее не удалось? Я надеялась, что утром она забудет свои угрозы и поймет, что придуманное ею наказание несправедливо и несоразмерно, но не тут-то было. Она даже с работы отпросилась, чтобы оформить у директора необходимые документы, и теперь я стою в напряженном ожидании под дверью его кабинета. Ощущаю себя растерянной и беспомощной.

– Как я смогу учиться в окружении врагов, мам? – спрашиваю я, когда родительница выходит в коридор, и, судя по суровому выражению ее лица, ничего уже не исправить. – Ты меня буквально под танки бросаешь! Полуянова и ее дружки меня живьем сожрут! Я же там ни дня не выдержу, ты об этом подумала?

– А ты обо мне много думала вчера? – хмыкает мама. – Это для твоего будущего, Ниса.

Не понимает она, что нет у меня теперь никакого будущего. О том, чтобы учиться с ашками, нет и речи: я сбегу, едва мама отправится на работу. Но что буду делать потом?

Поглощенная этими мыслями, не сразу замечаю подошедшую к нам женщину. Она мне знакома – это Валерьянка (кажется, ее зовут Валерия Дмитриевна), классный руководитель одиннадцатого «А». Блин-малин. С этой минуты она и мой классный руководитель, а значит, сбежать с уроков слишком быстро не выйдет.

– Здравствуйте, – с улыбкой приветствует она маму, и та отвечает такой же радостью. Кажется, на этом празднике жизни теперь не осталось места только одному человеку: мне. – Скоро начнется урок, будет лучше, если я сама представлю Анису классу.

Она говорит об этом так жизнерадостно, словно о каком-то увлекательном и веселом приключении. Но я уверена: Валерьянка прекрасно знает, что в представлении ее ученикам я не нуждаюсь. Они знают меня почти так же хорошо, как я знаю их.

В каждом классе имеется своя иерархия, негласная разумеется. Есть король и королева, как в шахматах, а также ладьи и ферзи, кони и пешки. В моем, теперь уже бывшем, «В» классе король – Тимур Шестаков, а королева – я. Это не хвастовство – это статус, накладывающий определенные ограничения и обязанности. Не давать спуска ашкам – одно из неписаных правил. И оказаться в их классе для меня – неминуемое поражение.

– Идем, Аниса, – напоминает о себе классная, но я почти ее не слышу.

В голове гул, словно я стою на взлетной полосе и то тут, то там, ежесекундно взмывают в небо самолеты. Прежде чем уйти, в последний раз оглядываюсь на маму, но на ее лице бесстрастность и уверенность в том, что она поступает правильно.

Валерьянка, тоже не осознающая масштаба катастрофы, легко касается моего плеча, словно успокаивает, но мне хочется сбросить ее руку. Мысленно мобилизую все силы, чтобы

выстоять, чтобы сделать вид, что это я так решила, чтобы теперь Полуянова ощущала себя рядом со мной не в своей тарелке.

Каждый шаг по окрашенному в светло-голубой коридору дается мне так, будто я иду на каторгу. Ноги кажутся налитыми свинцом. Концентрируюсь на текущем моменте, дышу, словно впереди у меня не позор и унижение, а просто очередной ответственный бой, который никак нельзя проиграть. Это помогает. И в шумный кабинет русского и литературы я вхожу так, словно ашки должны если не расстелить ковровую дорожку, то хотя бы поаплодировать при моем появлении.

Естественно, никто не аплодирует. Зато все ошарашенно замолкают, пока я лавирую по проходу вдоль рядов парт следом за Валерьянкой и, гордо задрав подбородок, застываю возле темно-зеленой доски.

– Доброе утро, – приветствует учеников классная, – сегодня к нам присоединилась новая ученица – Аниса Романова.

Шестнадцать пар глаз смотрят на меня с выражением одинакового непонимания и неодобрения. Я почти ощущаю волны негатива. Хочется принять боевую стойку, чтобы они не сбили меня с ног.

– Не такая уж и новая, – усмехается кто-то с задней парты, – со старыми дырками.

Пешка! Запоминаю комментатора и делаю мысленную пометку при случае выбить ему торчащие передние зубы.

– К нам Уэнсдей Аддамс перевели, – лениво подмечает девочка с цветными прядями в косах.

Она ладья, да и сравнение какое-то почти неизбежное получилось.

– Романова, что у тебя за странный траур? К нему розовые гетры не подходят! – едко интересуется тощий мальчишка с первой парты.

Он слон, но это не избавит его от последствий дурацких замечаний. Мне нравится черный, и он мне идет. А гетры подходят к жвачке, но ему не понять. Передаю взглядом, что траур будет у него, если он не разучится шутить по-идиотски.

Еще одна носатая пешка – подружка Полуяновой – шепчет ей достаточно громко, чтобы я тоже услышала:

– Аниса-крыса.

Пожалуй, со сломанным носом ей будет даже лучше. Я делаю еще одну мысленную пометку.

Сама Ксенька – их королева. Вряд ли мне удалось ввести ее в заблуждение своей уверенностью. Она прищурилась и смотрит на меня молча и зло. Усмехаюсь, подмечая ее новую прическу – удлиненное каре, взамен длинных светлых локонов. Стоило вчера прилепить ей эту жвачку повыше, чтобы была необходимость сбрить белобрысую шевелюру наголо. Мысленно нащупываю в кармане зажигалку и, прищурив глаза, даю Полуяновой понять: следующий выпад в мой адрес закончится для нее стрижкой-вспышкой.

– Хватит галдеть! – шум обрывается после окрика Валерьянки. – Не ожидала от вас такого!

Взгляд классной направлен на Полуянову, но вскоре я понимаю, что смотрит она не на Ксеньку, а на того, кто сидит с ней за одной партой: на Елисея Князева.

Когда-то в детстве мы вместе учились в музыкальной школе. Но я давно не та девочка с косичками, что ходила на вокал, а Лис уже не тот смешной веснушчатый мальчик с рыжими, как кленовый сироп, волосами, что играл на скрипке. Теперь он сын депутата городской думы, активист «Молодой гвардии», отличник, идущий на золотую медаль, и король ашек.

Ленивый и оценивающий взгляд Князева сквозь стекла очков направлен не на Валерьянку, а на меня. И хотя умением читать мысли я никогда не отличалась, прекрасно знаю, о чем он думает.

«Проблема» – это слово занимает сознание рыжего, словно восемь букв выведены у меня на лбу ярко-красным маркером.

Лис меньше всех желает моего появления в своем классе, потому что знает, что повлечет за собой мое появление. Я проблема, которая может стать поводом для начала войны, вдохновением для драк или срыва уроков. Но так же хорошо король ашек понимает: изменить что-то не в его силах.

– Аниса, садись с Кириллом, – продолжает тем временем Валерьянка, пока я все еще смотрю на Лиса в ожидании вердикта. Так и не поняв, как истолковать его короткий выдох, иду туда, куда мне указали. – С первой парты хорошо видно и проще понять новую тему.

– Вряд ли ей это поможет, – фыркает Кирилл – тот самый тощий слон, который уже имел удовольствие мне не понравиться.

Он не мог позволить себе встретить меня более радушно, даже если бы хотел. Но и я не могу оставить реплику без ответа. Отзываюсь так тихо, чтобы услышал только он:

– Если бы тупость была преступлением, тебя уже осудили бы на пожизненное.

Сосед по парте недовольно хмурится. Может, мне показалось, но сзади раздается тихий смехок, подтверждающий, что обмен приветствиями оценили по достоинству. Неужели Князев? Ну не Полуянова же.

Парочка за моей спиной выводит из равновесия и раздражает. Словно позади улей с разъяренными пчелами, и то, когда они выберутся наружу и покусает, – вопрос времени. Всеми силами стараюсь не показывать опаски. Открываю тетрадь с самым невозмутимым видом. Не потому, что так сильно хочется узнать о выдающихся писателях двадцатого века, а потому, что это помогает поддержать видимость самообладания.

– Исторические события не могут пройти мимо творческих людей, – вещает тем временем Валерьянка. – Революции, войны оставляют след не только в сердцах людей, но и в музыке, изобразительном искусстве и, конечно же, в литературе...

Она не повышает голос, как Раиса Степановна, классная вэшек, за пристрастие к крикам получившая прозвище Рупор. Там другие порядки – кто громче, тот и прав. Но у ашек и без этого тишина и дисциплина, хотя я догадываюсь, что на сей раз все это показное. Слишком показательно шуршат записки и шепотки. Все ждут перемены как момента, когда можно будет обрушиться на меня одномоментно.

– В творчестве Михаила Булгакова нашли отражение и Гражданская война, и Октябрьская революция, и период репрессий. Именно поэтому описание некоторых событий в его романах пронизано личными эмоциями...

Валерия Дмитриевна как ни в чем не бывало продолжает урок, а я слежу за тем, как курсируют записки и вибрируют в беззвучном режиме телефоны. Трафик ожидаемо замыкается на второй парте за моей спиной. Именно оттуда поступают команды пешкам. Слон Кирилл тоже участвовал бы в обсуждении участи нежелательной новенькой, но лишен этого права из-за того, что предмет обсуждения так некстати занимает место рядом с ним. Он компенсирует это несколькими тычками локтем, но тут же получает от меня не менее болезненные тычки в ответ.

– В текстах «Собачьего сердца» и «Мастера и Маргариты» он исследует темы власти, свободы и человеческой природы на фоне революционных изменений...

Меня не беспокоит видение революции Булгаковым, потому что гораздо важнее та революция, что назревает прямо здесь, в этом классе. В том, что ашки не примут королеву вэшек, я не сомневаюсь ни секунды, но есть еще один вопрос, который не дает мне покоя.

То, как воспримут мое отсутствие мои, теперь уже бывшие одноклассники. И получится ли вернуться, когда я сумею убедить маму отказаться от этой глупой во всех отношениях затеи? Сейчас мне очень хочется думать, что все это ненадолго и вскоре моя жизнь станет прежней, а этот день забудется, словно страшный сон.

Мрачные мысли кружат в голове черной воронкой смерча, сметающего все надежды на своем пути. Не оттолкни я вчера Тима, можно было бы попросить его о помощи. Как минимум я перестала бы ощущать себя такой уязвимой. Но если попрошу Шестакова после несостоявшегося признания, буду чувствовать себя обязанной ему, а это ни мне, ни ему сейчас не нужно.

– Булгаков столкнулся с цензурой и репрессиями со стороны власти. Его пьесы часто запрещались или подвергались значительным изменениям. Это привело к тому, что он начал использовать аллегории и символику для передачи своих идей...

Блин-малин. В моем случае никакие аллегории не помогут. Надвигающейся перемены, когда я останусь с новыми одноклассниками один на один, я жду с тревогой. Чувствую, как учащается пульс, а мышцы ноют от напряжения. Впервые сижу так ровно, словно целиком проглотила метровую линейку. Все силы уходят на контроль – показать собственный страх я не могу. Нет у меня сейчас такой роскоши. Если заметят, что боюсь, наверняка растопчут.

Впервые на моей памяти урок проходит так быстро, и от трели звонка я вздрагиваю, но надеюсь, что никто из присутствующих этого не заметил.

– Урок окончен, домашнее задание на доске! – Валерьянка захлопывает журнал и, стуча каблуками, покидает класс.

Правильнее всего – выскользнуть следом за ней, но мне не дадут. И действительно, едва я, скинув в сумку учебник и тетрадь, делаю несколько шагов, путь загораживает высокий и крепкий мальчишка с усыпанным родинками лицом. Эти пятна делают его похожим на леопарда, но по иерархии он конь. Тот, кто может перепрыгивать остальные фигуры и контролировать те клетки на поле, которые для других недоступны. Интересуется с ухмылкой:

– И каким ветром к нам занесло саму Романову, не желаешь объяснить?

Это на уроках одиннадцатый «А» интеллигентен. На самом деле школьники все одинаково задиристы, одинаково дисциплинированы и одинаково жестоки. Разница лишь в том, что у вэшек тон задает хулиган Шестаков, а у ашек – интеллектуал Князев. И сейчас Лис выбрал позицию невмешательства, позволив другим поизмываться надо мной, прежде чем сделает это сам.

– Скорее всего, тем самым, который унес твои мозги, – усмехаюсь я, повыше задирая подбородок. Невозмутимо достаю из кармана розовый кубик жвачки и кладу в рот. – А я здесь исключительно для того, чтобы добавить немного мрачного очарования в вашу скучную тусовку.

Оппонент скалит зубы. Кажется, его зовут Никита, он занимается в секции рукопашного боя. Интересно, удастся довести его до драки? Короли и королевы никогда не опускаются до рукоприкладства, но здесь я не королева и даже не пешка. Здесь я изгой. Лишняя фигура. Неуместная. Неправильная. Еще и не подходящая по цвету.

– Тебя в нашем классе никто не примет, – отзывается Никита, скрестив на груди руки. Он чувствует поддержку, а я, наоборот, ощущаю движение за своей спиной и понимаю, что окружена. – Проваливай!

– Когда мне станет интересно твое мнение на этот счет – я спрошу. А пока отойди с моего пути. – Делаю шаг ближе, собираясь протиснуться между ним и партой. – Быть частью вашего скучного стада в мои планы не входит.

Идея побега была провальной изначально – Никите ничего не стоит схватить меня за руку и одновременно с этим загородить проход окончательно. Он неприязненно кривит губы:

– Мы не закончили разговор.

– Я его с тобой и не начинала.

Сдавленную кожу на запястье пронзают сотни игл. Держусь, чтобы не поморщиться, – не собираюсь радовать зрителей. Уже планирую, наплевав на правила, ударить Никиту в какое-нибудь уязвимое место, но со спины раздается спокойное:

– Хватит.

Князев должен был произнести это слово после того, как даст своим прихвостням возможность проверить мою реакцию на происходящее, после того, как все присутствующие и он сам сполна насладятся моей беззащитностью. И я стараюсь не показать удивления тем фактом, что он сказал это гораздо раньше, чем мог бы.

3. Кошмар

26 сентября, четверг

Secret – Denmark + Winter

Повинуясь одному слову, новые одноклассники выходят из класса так торопливо, словно внезапно осознали, что где-то их очень срочно ждут. Последней, бросив на меня высокомерно-неприязненный взгляд, покидает помещение Полуянова. Остаемся только Лис и я, ожидающая, пока он объяснит мне причину этого театра. Но вместо объяснений Князев раздраженно интересуется:

– Что происходит, Романова? Опять ваши выходки с Шестаковым? Тебе мало вчерашнего?

Ростом Елисей значительно меня превосходит, и он наклоняется, чтобы предоставить возможность распознать его эмоции: недоумение, возмущение, злость. Зеленые глаза поблескивают за стеклами очков. Раздраженно дергается уголок губ. Веснушки четко обозначились на высоких бледных скулах.

– Тебе забыла отчитаться о своих действиях, – вскидываюсь я. – Никакие это не выходки. Не ищи подвоха там, где его нет, Князев, и ни у кого не будет проблем.

Он прищуривается. Смотрит на меня так пристально, словно желает глазами проковырять во мне дыру.

– Там, где ты, Романова, всегда есть проблемы. И я еще раз спрашиваю: какого рожна ты забыла в моем классе?

– Мне не доставляет удовольствия находиться в толпе ботаников, которую ты гордо именешь своим классом, можешь мне поверить. – Выдуваю из жвачки огромный розовый пузырь и, проколов его зубами, втягиваю в рот. – И я тоже еще раз повторяю: не трогайте меня, и я не стану трогать вас. Представьте, что меня здесь нет.

Посчитав разговор оконченным, разворачиваюсь и спешу к выходу. Даже успеваю открыть дверь, но Князев, сделав пару широких шагов, захлопывает дверь перед моим носом и разворачивается к себе.

– Нет, Романова, – зло выплевывает он, – так не пойдет. Ты понимаешь, что я должен был сделать с тобой после того, как ты вчера довела нашу Ксюху до слез?

Понимаю. В лучшем случае точно такая же жвачка должна была оказаться в моих волосах. В худшем – не знаю и не уверена, что сильно хочу знать, на что хватит его или Ксенькиной фантазии. Уверена, Полуянова ждет, что сейчас я выйду из кабинета в слезах. Возможно, этому еще суждено случиться. Понятия не имею, что у Лиса на уме.

– Наверное, ты должен был научить вашу Ксюху держать на замке грязный рот? – дерзко предполагаю я, а его ладони стискивают предплечья сильнее.

– Нет, Романова, – на этот раз он говорит с демонстративным спокойствием. С точно таким же угрожающим спокойствием со мной вчера вечером мама разговаривала, поэтому

мурашки по позвоночнику пробегают идентичные. – Или ты прекращаешь этот театр, и мы говорим начистоту, или я делаю то, что должен.

– И что же ты сделаешь?

Он наклонился, а я, наоборот, задрала голову вверх, чтобы бесстрашно выдержать тяжелый взгляд, и мы оказываемся слишком близко друг к другу. Так же непозволительно близко, как вчера с Тимом, и все же по-другому. Князев пахнет иначе – летом: морским бризом и горячим песком, сухим соленым ветром и свежескошенной травой, спелой клубникой и свободой. Я даже веки на мгновение прикрываю, опьяненная этим притягательным ароматом. Но ответ Лиса быстро возвращает меня к суровой действительности.

– Ничего особенного. Мне даже утруждаться особенно не придется. Просто в следующий раз, когда нужно будет сказать «хватит», я промолчу.

Действительно. Он легко позволит своим пешкам во главе с Полуяновой разобрать меня на сувениры, только и всего. В горле внезапно разворачивается пустыня, и я судорожно сглатываю. Закусываю до боли нижнюю губу. Капитулирую. Как в спарринге, если понимаю, что противник невообразимо сильнее меня. Отвожу взгляд и нехотя признаюсь:

– Это не прихоть и не выходка, Князев, а желание моей матери, воспротивиться которому я пока не могу. Поверь, мне общество твоих ботаников доставляет еще больше неудобств, чем им – мое. Постараюсь исправить это в ближайшие дни, обещаю. Просто потерпите меня какое-то время, и все будет как прежде.

Лис смотрит со скепсисом. Не верит, что ли? Еще бы, главная оторва школы не может противостоять матери. Но это действительно так. Дело не в противостоянии, просто не те у нас отношения. Мама и без того натерпелась и из-за меня, и из-за отца. Кто-то из нас троих должен остановиться первым. Возможно, мне удастся переубедить ее не скандалом, а как-то иначе.

– А не будет как прежде, – произносит наконец Князев то, что я и сама понимаю, просто верить в это не хочу. – Если пришла к нам, то будь добра признать, что мои ботаники – это теперь и твои ботаники тоже. В этом случае тебя никто не тронет – если ты станешь одной из нас. Учебы это тоже касается – мне не нужно, чтобы твои оценки тянули вниз статистику остальных. И любое сомнение я буду трактовать не в твою пользу, не обессудь. Слишком компрометирующее у тебя прошлое, Романова.

Это звучит пафосно, но искренне и честно. Кажется, на радость Полуяновой я все-таки выйду отсюда в слезах.

– Не хочу быть одной из вас, – говорю я неожиданно севшим голосом.

Все это слишком неожиданно и неправильно, несвоевременно и ненужно. Словно в кошмарном сне, который никак не желает заканчиваться.

– Думаешь, я хочу, чтобы ты ею была? – раздраженно отзывается Елисей. – Мне сейчас проблемы нужны меньше всего. Тем не менее, кажется, ни у одного из нас нет выбора.

Сложно не признать его правоту, и я молчу, тратя все самообладание на то, чтобы сдерживать непрошеные слезы. Ладони Князева едва касаются предплечий, но напряжение давит так сильно, словно планирует пробить мной пол. Поняв, что разговор на этом окончен, Лис резко произносит:

– Идем, на химию лучше не опаздывать.

Он подталкивает меня к выходу, потирая плечо, а я плетусь на автопилоте, осознав наконец, в каком противоречивом положении оказалась. Но через секунду, когда открываю дверь кабинета и выхожу в полупустой коридор, оно становится еще более противоречивым, потому что, подняв глаза от протертого линолеума, я встречаюсь взглядом с Тимуром.

Застываю, отчего идущий следом за мной Князев врезается в меня и снова касается моего плеча, удерживая наше общее равновесие. Тим смотрит на меня, потом на Лису, потом снова на меня. В его взгляде настоящий водоворот сомнений и немой вопрос: «Какого черта происходит?»

Я стою между ними, совершенно растерявшись. Зависнув, словно скрепка между двумя одинаковыми полюсами разных магнитов, – нам такой опыт на физике показывали. Я должна объяснить все Шестакову, но, если заговорю с ним, Лис посчитает, что я отвергла его предложение. Блин-малин! Не день, а кошмар какой-то. В напряженном молчании проходит почти минута. Тим первым отводит взгляд, но я успеваю уловить в нем разочарование.

– Идем, – повторяет Князев, когда Шестаков удаляется в противоположную сторону; на его губах появляется довольная улыбка, и мне хочется ему вмазать. Он усугубляет ситуацию, добавляя: – Ты сделала правильный выбор.

Бурчу, уставившись на кроссовки:

– Я не выбирала.

В кабинет химии мы входим одновременно с учителем. Звонок уже прозвенел, поэтому о том, чтобы продолжить ругань или обсуждение причин моего внезапного перевода в «А», нет и речи. На этом уроке шепотков и записок почти нет – ботаники будто бы по-настоящему увлечены уроком, а химику до моего перевода из одного класса в другой дела нет. На его занятиях даже вэшки ведут себя достаточно смирно – слишком сложно пересдавать Оксиду Петровичу двойки, которые он безжалостно шпарит сразу в журнал по поводу и без.

Но сосредоточиться на теме урока мне слишком сложно, даже несмотря на то, что Кирилл в этот раз не пихается локтями. Мысленно пытаюсь сформулировать сообщение Тиму, чтобы он понял и объяснил остальным: мой переход временный, я обязательно вернусь, как только смогу. На занятии сурового химика телефон лучше не доставать, но он жжет сквозь карман джинсов, словно покрыт кислотой, разъедающей кожу через ткань, и я едва держусь, чтобы, наплевав на обещание, данное Лису, не нарушить правила.

– Степан Петрович, можно выйти? – поднимаю я руку, поддавшись желанию написать Шестакову прямо сейчас.

Кажется, будто моя возможность объясниться с ним и обеспечить себе возможность вернуться в свой класс, ускользает с каждой новой секундой. Словно в песочных часах, отсчитывающих время до момента, когда это станет невозможно, осталось всего несколько песчинок. Оксид Петрович, будто бы только что заметив мое присутствие, хмурится, но кивает:

– Иди, Романова.

Из кабинета вылетаю пулей, но, достав смартфон, обнаруживаю, что из чата вэшек я теперь исключена. Печатаю сообщение Тиму: «Из-за вчерашнего мама перевела меня к ашкам. Мне нужно время, чтобы разобраться с этим и вернуться». Но сообщение не отправляется, потому что Шестаков меня заблокировал.

Прикрываю веки и дышу, считая до десяти. Не помогает. Прислоняюсь спиной к холодной стене коридора. Опускаюсь на корточки между горшками с раскидистыми папоротниками и опускаю голову на руки. Меня словно на половинки разорвало. Я ведь теперь не там и не здесь. Я изгой. Одними отвергнута, другими не принята. Почему все так сильно изменилось за один день из-за какой-то злополучной жвачки в волосах Полуяновой?

Остаток урока досиживаю, мрачно уставившись в одну точку на исписанной формулами доске. Даже звонка не слышу, а на перемене пытаюсь сама найти Тима, но встречаю лишь Ирку Константиновскую, но на безрыбье и она подойдет:

– Кось, что за ерунда происходит? – набрасываюсь я на нее, потому что лучшей защитой всегда считала нападение.

Мы не подруги и никогда ими не были. Но Ирка – ладья. Она не только подчиняется Шестакову, но и участвует в принятии решений. Таких, как удаление моего номера из классного чата, в том числе. Она недоуменно хмыкает:

– Это ты объясни, Ниса. Ты ни с того ни с сего переводишься к ашкам, оказавшись своей среди наших врагов. Что мы должны думать, по-твоему?

– А вы не должны были думать, – зло выплевываю я, – вы должны были спросить, но решили исключить меня, не разбираясь.

Ирка клонит голову к плечу, все еще опасается меня – это радует. Она признается:

– Это Тим решил, Ниса. С него и спрашивай.

– А где он?

Не собираюсь рассказывать ей, что Шестаков предпочел не разговаривать со мной, но она, кажется, понимает это и так.

– Не знаю. Он ушел после второго урока и вряд ли сегодня еще появится.

Хмурюсь. Перемена слишком короткая, чтобы предпринимать что-нибудь еще. Да и нечего больше предпринимать. Бегать за Тимом я не стану. Тренировок тоже сегодня нет, поэтому разговор с Шестаковым, судя по всему, откладывается на завтра.

Следующий урок – информатика. Здесь, к счастью, у каждого свой стол и монитор, в который можно уткнуться, чтобы не смотреть на скучные ботанские лица. В отличие от других предметов информатика мне нравится и дается легко. И базы данных, и веб-разработка кажутся интуитивно понятными, даже напрягаться особо не приходится, как и на следующей за информатикой истории.

Зато на большой перемене в столовой я снова оказываюсь в поле зрения Полуяновой и пары пешек из ее свиты.

– Что, Романова, решила попробовать в нашем классе научиться чему-то большему, чем бить стекла и драться? – усмехается Ксенька.

Кажется, ей причины моего появления в «А» классе тоже покоя не дают. В окружении двух прилипал Полуянова ощущает себя комфортно: вчерашнее происшествие успело выветриться из ее полупустой головы, а от нового, как ей кажется, ее теперь страшит моя принадлежность к ашкам. Но ведь не страшит на самом деле. Совсем не страшит. Я настолько измотана изменениями в собственной жизни, что практически совсем себя не контролирую.

– Я смотрю, Полудурушная, у тебя новая прическа? – выдавливаю я слащавую улыбку. – Тебе очень не идет. Но так уж и быть, походи немного. До следующего раза.

В подтверждение угрозы выдуваю из розовой жвачки огромный пузырь и обхожу Ксеньку по широкой дуге.

– Не будет следующего раза, Ниса-крыса, – так же неискренне, как и я, улыбается Полуянова. – Лис больше не позволит тебе выкинуть ничего подобного.

– Как будто мне требуется его позволение, – фыркаю я, покупаю булочку с сахаром и покидаю столовую с гордо поднятой головой. Так, словно все еще королева, только теперь непонятно чего и кого.

Но, отщипывая кусочки горячего мягкого теста, раздумываю над тем, что Князева я отчего-то по-настоящему опасаюсь, даже сильнее, чем Шестакова, хотя Лис мне почти не угрожал. Он вообще ботаник, бояться которого глупо. И тем не менее есть в нем что-то такое, из-за чего я предпочла бы держаться от него подальше.

Но сильно подальше держаться не получается. На следующем уроке, которым оказывается история, Князев снова на второй парте за моей спиной, и, хотя он никак не привлекает к себе мое внимание, мысли то и дело возвращаются к нему.

Почему Елисей не позволил ашкам раздавить меня, прежде чем сказал свое «хватит»? Шестаков на его месте сделал бы прямо противоположное. А Князев пообещал, что меня никто не тронет, правда, цену за это попросил слишком высокую, по моим меркам. И все же его поведение остается непонятным и противоестественным.

– Романова, ты слушаешь вообще? – возмущенно возвращает меня к действительности историк, из-за фамилии Трофимов имеющий прозвище Трофим.

Знает ведь, что из его рассказа я не уловила ни слова, так зачем спрашивает? Отзываюсь мрачно:

– Вообще слушаю.

Я всегда так отвечала, когда училась в «В» классе, но там остальные отвечали еще хуже, иногда даже матом. Но на фоне ботаников Трофим внезапно решает меня выделить и ехидно интересуется:

– Ну так и расскажи нам, о чем я только что говорил. Почему Россия вступила в Первую мировую войну?

Блин-малин. Первая – это вообще какая? Я могу в подробностях поведать ему историю первой войны за Азерот от древних времен до эпического падения Штурмграда³, а вспомнить причины Первой мировой, оказывается, сложновато.

– Завоевание новых территорий? – предполагаю я, проводя параллели со сложной сетью конфликтов игрового мира.

За спиной раздаются смешки. Не сомневалась, что ботаникам известно о Первой мировой все, и даже больше. Полуянова даже демонстративно руку подняла, чтобы поделиться собственными знаниями.

– Нет, Романова, – снисходительно ухмыляется Трофим, – садись. Продолжим. Россия была частью Тройственного союза наряду с Францией и Великобританией и обязалась поддерживать своих союзников...

Мне приходится делать вид, что его слова вызывают у меня хоть какой-то интерес.

Раньше после уроков я отправлялась за школу, где на трубах теплотрассы собирались покурить старшеклассники. Сама я не курю, но всегда чувствовала себя там хорошо и свободно. Но сегодня идти туда без Тима не хочется, поэтому я отправляюсь напрямик домой и с нетерпением жду маму в надежде на то, что она изменит свое дурацкое и необдуманное решение.

Готовлю ужин и навожу в комнатах порядок, чтобы к ее приходу с работы выглядеть образцовой дочерью, которой, к сожалению, не являюсь.

– Ты не права, – в который раз пытаюсь донести до нее суть происходящего, но родительница остается непреклонной. Начинаю терять терпение. – Я не смогу там учиться! Там полный класс ботаников во главе с мерзкой Полуяновой! Да я в дурдом уеду через неделю в такой компании!

Даже любимые макароны с сыром есть не хочется, и к ужину я почти не притрагиваюсь. Они застывают на тарелке сплошным комком и становятся совсем несъедобными. Мама уже поела и встает из-за стола, чтобы убрать тарелку в посудомойку.

– Не уедешь. Люди так устроены, что привыкают и к плохому, и к хорошему. Ты тоже привыкнешь, Ниса. В том числе к Полуяновой.

– Скорее я сломаю ей челюсть. – Отправляю в рот вилку с остывшими макаронами, чтобы не сказать еще что-нибудь в этом роде, потому что сломать Ксеньке хочется многое.

Мама невозмутимо ставит чайник и шуршит пакетами сладостей в шкафу.

– Сломай, – кивает она, – и сменишь ботаников на отдел полиции и коррекционную школу.

Хочется зарычать от бессильной злости. Глупо считать, что, если неприятная физиономия Полуяновой примелькается, я привыкну. Она же еще и говорящая. И желание закрыть ей рот слишком часто пересиливает здравый смысл.

– Я не смогу с ними учиться!

– Сможешь, – не соглашается мама, – вот как раз с ними и сможешь. В одиннадцатом «А» средний балл – четыре с половиной. А в «В» классе одни раздолбаи, и ты возомнила себя их предводительницей.

³ Имеется в виду конфликт персонажей игры вселенной World of Warcraft.

– Никем я себя не возомнила! – Закипаю одновременно с чайником, а мама разливает из него кипяток в кружки. – И их предводительница не я.

– Ну, раз не ты, значит Шестаков, – ворчит мама, когда чай оказывается на столе, а потом патетично цитирует: – «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». А твой приятель Тимур – будущий уголовник, у него на лице это написано.

Мне ответить нечего, поэтому я молча жую. Действительно, друзья – это отражение нас самих: ценностей, характера, поведения и мышления. И Тим такой же, как я, поэтому с ним даже молчать комфортно. Хотя после сегодняшнего он вообще не желает со мной разговаривать. Воспоминания об этом заставляют меня помрачнеть.

После ужина мама занята работой – рисует какой-то чертеж для нового проекта. Под предлогом необходимости делать уроки ухожу играть в «Варкрафт».

4. Норм

27 сентября, пятница

Toxic – 2WEI

Новый день отличается от предыдущего лишь тем, что Князев в классе отсутствует. И если сначала меня это даже радует, потому что без него я ощущаю себя гораздо спокойнее, то на перемене между геометрией и алгеброй выясняется, что спокойнее было как раз с Лисом.

– Ах, икскьюз ми, – с притворным сожалением причитает Полуянова, пока на моей блузке расплывается пятно от газировки, которой она якобы нечаянно меня облила.

Хочется стереть ее довольную улыбку ногой, ударив с разворота, но в кабинет как раз входит моя бывшая классная Раиса Степановна.

– Романова, ты вроде класс сменила, а выглядишь по-прежнему неряшливо, – высокомерно косится на меня математичка и под одобрительные смешки ботаников глубокомысленно добавляет: – Можно вытащить человека из «В» класса, но нельзя вытащить «В» класс из человека.

Вижу, как расцветает на фоне этого замечания Полуянова.

– Не обмочись от радости, – шепчу я Ксеньке, не имея возможности ответить Рупору, не спровоцировав новый вызов мамы в школу.

– Я-то не обмочусь, а вот ты, судя по всему, уже, – хихикает в ответ Ксенька, намекая на липкое и сладкое пятно от газировки на моей одежде.

Школьный день заканчивается паршиво, но «с обновками»: помимо липкого следа на блузке, у меня теперь имеется еще пятно синей пасты на колготках, листочек с надписью «крыса», приклеенный скотчем на спину куртки, полсумки скомканных рисунков с обидными карикатурами и еле сдерживаемое желание расплакаться.

Конечно, я ответила кому могла: тех, кого нечем было облить в ответ, я облила сарказмом, Полуяновой «случайно» наступила на ногу так, что она теперь хромает, а сосед по парте Кирилл отхватил неприятный удар по печени, после которого долго стонал и не мог разогнуться. Но я и сама чувствую себя не лучше и плетусь домой так, словно не в школе была, а вагоны разгружала. Я ошиблась, когда решила, что смогу это терпеть. Не смогу.

В надежде на разговор с Тимом заглядываю в курилку, но Шестаков отсутствует, а те, кто еще позавчера приветливо здоровался со мной и весело шутил, теперь воротят носы и обзывают меня ботанкой. Блин-малин...

Слезы застыли где-то в глазах, но я стараюсь не моргать, пусть они там и остаются. Я справлюсь, со всем справлюсь. В любом случае впереди выходные, чтобы набраться для этого сил.

Но когда вечером встаю на татами напротив хмурого Шестакова, понимаю, что до выходных еще требуется дожить. За тренировку Тим не произнес ни слова, а теперь смотрит на меня, как орки Орды на людей Альянса⁴.

– Так и будешь молчать? – интересуюсь я, пока сэмпай неторопливо прохаживается вдоль рядов учеников, давая указания перед спаррингом.

Шестаков ждал, пока я начну разговор первой, и тут же вскидывается:

– Пусть с тобой теперь Князев разговаривает.

Фыркаю, понимая, что он эту фразу два дня в голове прокручивал, чтобы швырнуть мне в лицо при встрече, поэтому она получилась такой скомканной и затертой, почти безэмоциональной.

– Хаджиме! – дает Андрей Владимирович команду к началу боя.

Я даже не успеваю собраться, сконцентрироваться, выровнять дыхание, но Шестаков не торопится бить – ждет моего ответа.

– И правда решил, что я сама напросилась в ряды ашек? – Делаю первый удар, но Тим легко уклоняется. – Что сама захотела проводить побольше времени в обществе ботаников и Полуяновой?

Мы двигаемся друг напротив друга. Босые ноги скользят по татами, а руки работают скорее для вида. Соперник не защищает голову, но я бью в корпус, потому что сама больше сосредоточена на разговоре, чем на бое. Шестаков недовольно шурится:

– А что я должен был думать, по-твоему, когда увидел тебя... с ним? После того как Рупор на первом уроке объявила, что тебя перевели? Я дал тебе шанс объясниться, но ты промолчала слишком красноречиво!

Разозлившись, Тим делает резкий выпад вперед и наносит удар ногой. Блокирую его коленом и контратакую прямым ударом в лицо.

– А ты так хотел, чтобы я начала оправдываться в присутствии Князева?!

Спрашиваю, а сама понимаю, что да, именно этого он и хотел: чтобы я попросила о помощи. Более того, Тим был готов сделать мою просьбу поводом для драки с Лисом, но просьбы не поступило. Блин-малин. Эти двое друг друга стоят.

Бой продолжается, и на этот раз ни один не желает уступать. Каждый из нас слишком агрессивен. Впервые так устаю в спарринге с Шестаковым. Мы бьемся так, словно на кону кубок за первое место, ведь, несмотря на то что Тим бьет вполсилы, его удары быстрые и тяжелые, я едва успеваю уворачиваться. Сегодня он впервые не поддается.

Короткий кивок в конце, и я разворачиваюсь, чтобы уйти в раздевалку, но замираю от окрика сэмпая.

– Подожди, Романова, – останавливает он, когда остальные расходятся, и спрашивает: – У тебя все в порядке?

– Все норм, Андрей Владимирович. – Выдавливаю улыбку для убедительности. – Просто неделя выдалась не из простых.

В раздевалке первым делом умываю лицо. Переодеваюсь в рваные джинсы, лонгслив и косуху. Знаю, что Тим будет ждать у входа, потому что мы не договорили. И он ждет, привычно подпирая спиной исписанную граффити стену и подтверждая, что не только я для него предсказуема, но и он для меня.

– Ну давай, оправдывайся, Ниса, – с усмешкой разрешает он. – Здесь нет Князева. Только я и ты.

Останавливаюсь напротив, засунув руки в карманы косухи:

– Это была мамина идея насчет перевода. Наказание за жвачку в волосах Полуяновой. А еще она надеется на то, что с ашками я стану лучше учиться.

⁴ Представители враждующих фракций World of Warcraft.

– И как? Ты стала? – безучастно интересуется он.

– Нет, конечно. Я не протяну там долго и хочу вернуться, Тим. Очень хочу, но пока не знаю как.

Жду, что он скажет что-нибудь, но Тимур молчит. Точно так же, как вчера молчал Князев. Они ведь лютые враги, противоположности, а иногда похожие до смешного. Жду, что Шестаков предложит какое-нибудь решение или помощь, но он не предлагает. Произносит вместо этого:

– На то, чтобы вернуться, у тебя месяц, Ниса.

– А потом? – Я удивленно поднимаю брови, потому что его ответ – совсем не то, что мне бы хотелось услышать.

Он отступает от стены и делает шаг ко мне. Наклоняется и говорит непривычно тихо и резко:

– Потом я стану считать тебя одной из них, и лучше уже не возвращайся. Твой уход и без того сильно подорвал мой авторитет.

Его слова такие холодные и резкие, что я застываю, словно внезапно покрылась корочкой льда. Но Шестаков не ждет реакции на свое заявление. В этот раз он не собирается меня провожать и интересоваться тем, какие последствия имеет этот перевод для меня. Тим просто уходит, оставляя меня на крыльце одну.

– Номер мой разблокируй! – кричу ему вслед, но не знаю, услышал он или нет. А потом повторяю задумчивым шепотом: – Месяц. Потом лучше уже не возвращайся. Блин-малин. Друг, называется.

Домой плетусь в одиночестве, на всю громкость врубив в наушниках песни «Эванесенс». Еще никогда я так не врала тренеру, как сегодня, сказав, что все норм. Все не норм. Совсем не норм.

Опавшие листья хрустят под ногами и разлетаются в разные стороны. Темнеет. В окнах зажигаются первые разноцветные огоньки. Я живу здесь с детства и сотни раз брела по этому тротуару, но отчего-то именно сейчас осознаю, насколько спокойной, привычной и размеренной была моя жизнь до вчерашнего дня. Теперь же от ощущения неопределенности, нестабильности и неправильности происходящего внутри все дрожит и трепещет, словно я сама осенний лист, который ветер бросает то в одну сторону, то в другую.

К счастью, мама снова задерживается на работе, поэтому дома я наскоро делаю бутерброды и устраиваюсь за компьютером, возглавив рейд по подземельям Нордскола⁵. Под звуки битв и крики других игроков в наушниках мне гораздо проще привести мысли в порядок.

Посчитав себя изгоем, я оказалась права. А поверив Князеву – нет. Даже если я захочу стать одной из ашек, мне это не по силам. Как ни странно, Тима я как раз могу понять: мой перевод поставил под сомнение его власть. Тем не менее он вернет ее так же просто, объявив меня врагом. Он ведь уже практически оборвал со мной общение и ничего не теряет, кроме нашей дружбы.

Увлечшись, замечаю, что Арт втихаря утащил с бутерброда кусок буженины и сыра, лишь тогда, когда осознаю, что хлеб съела без ничего. Кот в этот момент уже сгрыз половину добычи и с довольным урчанием уплетает остатки.

– Дуралей мохнатый. – Ловлю его за шкурку и тяну к себе, несмотря на протест.

Запускаю пальцы в пушистую белую шерсть, касаюсь своим носом розового, пахнущего недоеденной бужениной влажного носа-треугольника, треплю мягкие кошачьи уши. От этого становится легче, хоть и ненадолго.

⁵ Часть вселенной World of Warcraft.

В ушах шумит от чужой ругани, кажется, мы продули рейд, но я устало снимаю наушники и бросаю на стол. При мысли, что в понедельник школьный дурдом начнется снова, а мама, несмотря ни на что, останется непреклонной, ничего не хочется.

– Мя-я-яу, – выражает свое авторитетное мнение Арт, но его совет, в чем бы он ни заключался, мне не помогает.

Негромко ворчу в ответ:

– Тебе хорошо – не нужно в понедельник идти к ботаникам. – Заглядываю в желто-зеленые глаза с вертикальными зрачками. – А мне снова придется терпеть неудобства. И ради чего? Чтобы маму не вызвали к директору? Или чтобы угодить Лису? А как тогда, угождая всем подряд, я вернусь к своим?

– Мяу, – коротко заявляет кот, словно знает ответ.

Киваю, соглашаясь с ним:

– И правда, глупо как-то. Если молча терпеть, ничего не изменится. Так я точно никуда не вернусь. Придется чем-то пожертвовать. Вопрос только чем: маминым спокойствием, обещанием Лису или возвращением в класс, в котором я училась с начальной школы?

Арт не любитель долгих бесед и, устав терпеть, начинает выворачиваться из рук, делая вид, что он с этой минуты не кот, а пушистая жидкость, удержать которую становится проблематично.

– У меня есть цель, – сообщаю я Арту, пока он пытается укунить меня за палец ради собственного освобождения, – а для достижения цели, как говорил Макиавелли, все средства хороши. Ведь если маму вызовут к директору, она сразу станет более сговорчивой, а когда меня переведут обратно в «В» класс, то и на Князева мне сразу станет плевать. Арт, ты гений!

После этого я целую недоумевающего кота в покрытый шерстью лоб и выпускаю из рук, а в награду выдаю еще один кусочек буженины.

Задумчиво рисую на обрывке тетрадного листка фигурку шахматной королевы и заштриховываю маркером. Вэшки – это черные. Черные всегда выигрывают. Удивляют соперника стратегией и тактикой. Превращают защиту в атаку. Всегда добиваются своего.

В эту ночь даже уснуть не могу, продумывая, каким способом наиболее эффективно добиться желаемого. Но у меня выходные впереди, и я точно успею придумать такой план, что мама сама будет уговаривать меня вернуться к вэшкам.

5. Война

30 сентября, понедельник

Devil – Fight The Fade

Говорят, начинать что-то в понедельник – плохая примета, но я не боюсь примет, поэтому в понедельник начинаю войну. Я в этом профи. Сражение должно быть коротким, ярким и эффектным. Блицкриг, не дающий противнику шансов отыграться. Королевам не пристало участвовать в битвах пешек, но мой статус сейчас слишком противоречив.

Выглядеть нужно так, будто я по-прежнему ферзь на поле d8⁶. Не припомню, когда собиралась в школу с такой тщательностью: на мне лучшая из коллекции черных кожаных юбок – с широким клепаным ремнем, – лонгслив с воротником, который при желании можно развернуть до самого лба, ворох цепочек и неизменная куртка-косуха. Довершают образ грубые ботинки и розовые гетры. И жвачка – тоже розовая, куда же я без нее.

Вместо «Идущие на смерть приветствуют тебя»⁷ желаю маме привычного доброго утра, чтобы не вызывать лишних подозрений. Но она поглядывает с опаской, словно мой бунтарский настрой просочился из мыслей и стал слишком заметен.

– Ниса, ты ведь ничего не замышляешь, правда? – любопытствует она, участливо поддвигая ко мне тарелку с не успевшей остыть яичницей.

Наверное, мамы интуитивно чувствуют, когда их дети планируют какую-нибудь шалость. Ну или, как в моем случае, практически вооруженный мятеж.

Отзываюсь с самым невинным видом:

– Конечно нет, мам.

Арт забирается на столешницу за моей спиной и, шевеля белесыми усами, высматривает на столе что-нибудь вкусенькое. Вчера он сумел несколько раз лизнуть сметану на сырниках, но сегодняшний завтрак видится коту неинтересным, поэтому у него такой вид, словно официант ресторана принес не то, что он заказывал.

Мама смотрит на меня с прищуром, но я стараюсь выглядеть простодушной, и она делает вид, что поверила.

– У меня впереди крупный проект с частыми командировками. – Мама вздыхает и качает головой, глядя на меня. – Боюсь, как бы ты совсем не отбилась от рук.

– Было бы от чего отбиваться, мам, – отзываюсь я с полным ртом, а прожевав, добавляю: – Занимайся лучше работой. Твои попытки заняться мной мне не нравятся.

Внутренне ликую: новый проект означает, что маме будет совершенно не до меня и не до вызовов к директору. Да после первого же звонка от недовольной Валерьянки она переведет меня обратно в мой прежний класс без долгих уговоров. Это же просто праздник какой-то!

⁶ Это поле в шахматах занято ферзем черного цвета.

⁷ Так приветствовали императора римские гладиаторы, отправляясь на арену.

В школу шагаю с довольной улыбкой. Напеваю детскую песенку «В траве сидел кузнечик» из нот распевки «ми-ре-ми-ре-ми-ре-ми», оставшейся в сознании еще со времен занятий вокалом. Носком ботинка пинаю зеленое бутылочное стеклышко по тротуару. И даже не сразу замечаю, когда на пути вырастает Шестаков.

– Ты принес то, что я просила? – интересуюсь я без долгих приветствий.

Тим все же разблокировал мой номер, и не зря. В выходные я написала ему сообщение с просьбой раздобыть для меня кое-что. Знаю, он может достать практически что угодно, и, хоть отношения у нас теперь и спорные, он всегда поддерживает эффектные авантюры. Шестаков протягивает небольшую коробочку, которую я, повертев в руках, убираю в сумку, а он с хитрым прищуром интересуется:

– А тебе она зачем?

– У меня есть план, – не в силах скрыть воодушевления, признаюсь я Тимуру. – Оглядываясь не успеешь, как я вернусь в наш класс. Мое место за третьей партой еще не занято?

Тим усмехается:

– Твоих планов опасаясь даже я, Романова. Надеюсь, школа хотя бы устоит. Или предупредить МЧС? – В его глазах пляшут озорные искорки, словно между нами все как раньше. И все действительно почти как раньше, до тех пор, пока он не решает добавить: – Твое место свободно. Пока что.

Это немного омрачает мой боевой пыл, но не настолько, чтобы передумать. Отвечаю Тиму самоуверенной ухмылочкой и первой поднимаюсь на школьное крыльцо. Оставляю в раздевалке куртку и иду в класс.

– Романова! – радостно восклицает Рупор, словно ждала меня как минимум неделю. – Сходи тряпку намочи и воду для цветов принеси!

Остальные ученики ждут в коридоре: перед самостоятельной в класс входить нельзя. Ботаники довольны отведенной мне ролью математичкиной слуги – с разных сторон раздается несколько удовлетворенных смешков. Вообще-то я не люблю быть на побегушках и не фанатка сказки про Золушку, но брезгливо тащу испачканную в меловых разводах тряпку в раковину. А пока набираю воду в пластиковую бутылку, в моей голове зреет новая гениальная идея.

С ее реализацией не возникает проблем: пока Раиса Степановна самозабвенно пишет на доске какие-то формулы для самостоятельной, я без зазрения совести выливаю половину бутылки с водой на ее стул. Тканевая поверхность сиденья впитывает жидкость, словно губка, совершенно не меняя при этом цвет. Едва сдержавшись от зловещего хохота и потирания рук, выхожу в коридор к остальным одноклассникам.

– Эй, Романова, ты сегодня выглядишь еще паршивее, чем в пятницу, – оживляется при моем появлении Кирилл – тот самый, с которым мне не посчастливилось делить парту. – У тебя снова траур?

В ожидании, пока математичка разрешит входить в класс, прислоняюсь к стене, как и остальные. Сейчас даже общество ботаников не способно испортить мне настроение. Лениво усмехаюсь:

– Это траур по твоему чувству юмора и отсутствующему интеллекту, Крапивин.

– Насчет интеллекта я бы поспорил, – ухмыляется он. – Так и не запомнила причины начала Первой мировой?

Вместо ответа я легко макаю его в неудачи с информатикой:

– А ты так и не научился разработке программ для управления библиотекой с использованием классов и хранения данных в файлах?

Продолжить перепалку нам не дает Рупор, приглашающая учеников в класс, но, едва мы входим, а она усаживается за учительский стол, начинается predetermined мной апокалипсис. Вода со стула мгновенно пропитывает светлую юбку математички, и она, покраснев, словно закипающий чайник, подскакивает с яростным воплем.

Выглядит это комично, но, прекрасно понимая, что смех чреват последствиями, я старательно держу лицо. Тем не менее актерский талант дан не всем, а ботаники тоже оказываются людьми: кто-то смеется, кто-то как минимум улыбается.

– Романова! – рычит математичка, но я изображаю максимально оскорбленный вид.

Пусть еще докажет, что это я. Мы как раз на днях по праву презумпцию невиновности проходили, так что не пойман – не вор.

– Что?

Математичка щурится и обводит недовольным взглядом украдкой хихикающий класс. Очевидно, она подумала о том же, о чем и я, и сомневается в моей причастности к внезапному повышению влажности учительских стульев.

– Достаем двойные листочки! – выплевывает она и, отодвинув собственный мокрый стул, меняет его на сухой ученический. – И приступаем к самостоятельной!

В классе тут же воцаряется тишина. Я принимаюсь писать самостоятельную вместе с остальными, радуясь удачной реализации собственной идеи. Веселить ашек в мои планы не входило, но то, что Рупор на собственной шкуре ощутила то же, что в пятницу чувствовала я, приятно. Тем не менее радость длится недолго, потому что не успеваю я справиться с первым заданием, раздается злорадное:

– Сдаем работы!

То, что не успела я, ожидаемо, но, кажется, ботаники тоже ничего не успели.

– Раиса Степановна, времени слишком мало, – возмущенно произносит за моей спиной Лис. – Такая работа рассчитана на весь урок, а прошло десять минут!

– Правда, что ли, Князев? – издевательски переспрашивает математичка, принимая такой же невинный вид, как я сама десять минут назад. – К счастью, преподаю здесь я, а не вы, поэтому именно я решаю, что и на сколько рассчитано! Сдаем листочки, одиннадцатый «А»! Кто не сдаст – сразу ставлю два!

Расчет учительницы прозрачнее стекол антикварного серванта в отцовском кабинете: она не стала искать виноватых сама, переложив эту неприятную обязанность на плечи моих новых одноклассников. А в том, что долго искать им не придется, у меня нет никаких сомнений. Князев уже, не утруждаясь расследованием, сверлит мою спину таким красноречивым взглядом, что по позвоночнику пробегает холодок. Осознавать это не слишком приятно, но я все равно не собираюсь задерживаться в этом классе надолго.

Ашки сдают листочки. Понимают, что всем им теперь суждено получить двойки-тройки, возможно даже впервые, но противостоять этой несправедливости они не в силах. Полуянова шепчет Лису что-то явно ябедническое. Крапивин, недовольно сопя, больно пихает меня локтем в бок, а я с силой бью его ногой по голени, потому что не люблю оставаться в долгу.

Урок продолжается своим чередом. Едва звенит звонок, я покидаю класс первой, чтобы расстроенные и растерянные одноклассники не успели выразить мне недовольство.

Вопреки ожиданиям этого не происходит. Следующий за алгеброй английский проходит спокойно. Настолько спокойно, что даже подозрительно. Вижу, что одноклассники обсуждают что-то в классном чате. Очевидно, речь обо мне, но я не против. Пусть злятся, негодуют, планируют месть. Так даже лучше. Это ведь мой последний день в «А» классе, нужно, чтобы он запомнился.

Предвкушаю драку и даже хочу ее. Жду, что ашки окружают меня, как в прошлый раз. Но вопреки ожиданиям после английского мне застывает дорогу Лис.

– Что ты творишь, Романова?

– А на что похоже? – в тон ему дерзко отзывается я.

После случившегося на алгебре он и не ждал от меня сговорчивости. И все же в его зеленых глазах слишком явно читается нежелание разбираться со мной. Кажется, он предпочел бы что угодно, кроме этого. Отвечает с усталым выдохом:

– Честно? На попытку суицида. Мы же с тобой договорились...

– Мы? Это ты договорился, Князев, а у меня нет никакого желания терпеть ашек, и я возвращаюсь обратно, понял?

Собеседник скептически изгибает правую бровь.

– Это ты так возвращаешься, значит? – Он прищуривается, словно мое заявление заставляет его пересмотреть какие-то личные решения и планы. Наконец Лис кивает: – Хорошо, возвращайся. Не стану мешать. – И отходит с моего пути, а потом действительно не мешает.

Когда ашки все же окружают меня на большой перемене, выбрав для этого практически безлюдный коридор третьего этажа, Князев отсутствует. Он не собирается говорить свое веское «хватит», предоставив им право разбираться со мной.

Но на этот раз я не нуждаюсь в его вмешательстве. В груди кипит адреналин, словно там смешали уксус с содой, как в пробирке на химии.

– Ты не нравишься нам, Романова, – напрямую заявляет леопард-Никита. – И раз уж ты собралась валить, то делай это быстрее. А пока ты в нашей власти.

Блин-малин. Какой же идиот конь у Князева! Неужели не мог никого получше выбрать? Поумнее? Посаркастичнее? Вот у вэшек один из коней – Серега Канин. Он находит для драк такие виртуозно несущественные поводы, что даже мне далеко до его таланта. А этот прямолинеен до зевоты. Тьфу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.